

26 июля 1986 г., там же

— К осени написал, наконец, диссертацию Суроткин, и в сентябре Света закончила её оформление. Со всеми рисунками, списком литературы и приложениями получилось меньше сотни страниц, что больше приличествует дипломной работе, чем кандидатской диссертации. Правда, ВАК в своих новых требованиях приветствует лаконичность, но мне пока такие тоненькие диссертации не попадались.

— Собственно, скупость изложения у Суроткина меня вовсе не смущала, не сомневался я и в диссертабельности, новизне результатов, не говоря уже об их объёмности и вычислительной сложности. Не нравилась мне обзорная часть - куца и несерьёзная какая-то, да и формулировки выводов довольно корявые, ну да Бог с ними, не самому же их переделывать, а Суроткину скажешь - принесёт другой вариант, корявее первого.

— Соруководитель научный - Ординард Пантелеймонович Коломийцев никаких вообще замечаний не высказал, целиком положившись на меня. За оппонентов я не беспокоился. В Новосибирске я договорился с Андреем Михайловым. Нехорошо, конечно, было его в очередной раз эксплуатировать, он ведь был оппонентом у Клименко, Шагимуратова, и Лёнька Захаров на него рассчитывал. Но по существу работы Суроткина Михайлов являлся единственным доктором, если не считать новоиспечённого Коена, занимающимся моделированием экваториальной ионосферы.

— С Коеном я договорился, что он напишет отзыв от ведущей организации - Иркутского университета, а вторым официальным оппонентом согласился быть Юра Ситнов, также в своё время защитивший кандидатскую диссертацию по экваториальной ионосфере (а я у него был оппонентом). Так что все ведущие или во всяком случае компетентные специалисты по экваториальной ионосфере были включены в число оппонентов, и на доброжелательность каждого можно было рассчитывать.

— Предзащита была назначена на 22 октября. До этого Суроткин съездил в ИЗМИРАН и выступил на семинаре в лаборатории Зевакиной. Там его напугала Татьяна Лещинская. Она сама собиралась вскорости защищать диссертацию, и тоже по экваториальной ионосфере (научный руководитель - Андрей Михайлов, он же её лучший друг, уж не знаю, как поточнее выразиться, поскольку Андрей женат, но не на Татьяне, а с Татьяной они неразлучны, а я обещал им (ещё весной) быть у Татьяны официальным оппонентом). И у них с Суроткиным возникли некоторые разногласия по одному вопросу.

— Одно и то же явление (так называемый "байт-аут", "выкус" - полуденный провал в суточном ходе критических частот F2-слоя экваториальной ионосферы) они объясняли по-разному: Суроткин действием электрического поля, Татьяна - влиянием разогрева, а точнее, признавая влияние обоих факторов, приоритет они отдавали разным.

— Я, конечно, был убеждён в правоте Суроткина: без электрического поля байт-аута вообще нет, тепловые эффекты его только усиливают. Татьяна же в предзащитном ажиотаже напала на семинаре на Суроткина, словно боясь нападения с его стороны и прибегая к тактике упреждающего удара, что было, конечно, глупо с её стороны, при суроткинской безобидности и наших общих нормальных человеческих взаимоотношениях. Как Ситнов сказал: - Бабы штучки, проявление истеричности.

— Действительно, Татьяна, склонная к экзальтации, перед защитой слишком уж перевозбудилась. Суроткин же, будучи совсем не бойцом, от её нападков растерялся и попытался было шмыгнуть в кусты: - Ну его к чёрту, этот байт-аут. Не буду я ничего про него вообще говорить, чтобы не дразнить Татьяну. И без него результатов хватает.

— Я возмутился:

— - Позорник! Кого испугался? Какой же ты тогда кандидат наук? Вот защита для того и назначается, чтобы защищать свои убеждения, а ты до боя уже сдаёшься. Ты что, сам сомневаешься в своих результатах, что ли?

— Да нет, только зачем эти споры, - промямлил Суроткин.

— Я прогнал его с глаз долой и пригрозил, что слова не скажу в его поддержку на защите, если он сам назад попятится.

— Предзащита на секции прошла спокойно. Суроткин выступил, увы, в худшем своём стиле - вяло и тихо бормотал что-то себе под нос, надолго останавливаясь и замолкая вовсе. Всех усыпил. Татьяна было задала ему вопрос с провокационной подоплёкой, но Суроткин ответил так неразборчиво, что ей, видать, расхотелось спор затевать. Работу рекомендовали к защите, но после заседания секции Черкашин мне сказал:

— Что он у тебя такой закомплексованный? Разве можно так выступать? Всё впечатление от работы смазал безобразным выступлением. Никто не придрался лишь потому, что ты руководитель, тебе верят - раз выпустил, значит, работа достойная, а сам он очень неважное впечатление произвёл. Ты уж к защите хоть натренируй его выступать.

— Я пообещал, оправдываясь невозможным характером и темпераментом Суроткина.

— Не порадовал и Коломийцев. Оказывается, из "Геомагнетизма и аэронамики" заворотили нашу (с ним и Суроткиным) статью, и как раз касающуюся байт-аута - уж не Михайлов ли рецензировал? Статью прислали в ИЗМИРАН, но почему-то без отзыва рецензента, хотя в редакционном извещении об отказе было написано "отзыв рецензента прилагается".

— Коломийцев сказал, что отзыв можно в редакции разыскать и побороться за публикацию, но стоит ли? Причина отказа, возможно, в том, что эта работа лишь дополняет то, что мы уже недавно опубликовали в "Г. и А.", могут счесть за повтор, тогда с ними бесполезно спорить. Не проще ли выпустить препринт и послать в "Радиофизику", написав Гершману и Ерухимову.

— Я согласился, но при условии переработки статьи с учётом последних дискуссий по байт-ауту.

— В день предзащиты Суроткина на секции в ИЗМИРАНе были Иванов, Саенко, Лексутов, Ерогов. Хоть Суроткин и непьющий, и выступил не блестяще, и с выпивкой после Указа плохо стало, всё же решили его предзащиту отметить. Ничего кроме шампанского из спиртного в Троицке достать оказалось невозможным. И ещё хуже оказалось со жратвой, довольствоваться на ужин пришлось перловой кашей со свиным жиром из банок - любимым нашим блюдом времён походов по Крыму с Павлом на "Москвиче". Шампанское с перловой кашей я употреблял, как и остальные, впервые - и ничего, сошло, не страшно.

— Домой из этой командировки я возвращался вечерним рейсом в день, когда игрались футбольные матчи на европейские кубки для клубных команд. "Зенит" играл в Кубке чемпионов с "Куусюси" из Финляндии и еле вырвал победу у себя дома 2:1, забив два гола с пенальти в конце игры (Желудков), а так проигрывал большую часть матча 0:1, причём с поля был удалён Веденеев и отыгрался "Зенит" вдесятером.

— Обо всём этом мне собирался поведать возбуждённый игрой Митя, но его опередила Ирина, сообщив мне результат, чем ужасно расстроила Митю. Он даже расплакался, и я еле его успокоил, а Ирину отругал: видит же, что он рвётся меня удивить, поделиться пережитым, должна была уступить ему.

Неожиданно вдруг позвонила Люба мне на работу:

- Братик! Ты чего к нам не заезжаешь? В Москве, небось, часто бываешь, а к нам никак не заедешь. Слушай, я тебе писателя нашла, Золотарёва, по его сценарию фильм "Дневной поезд" поставлен, он хороший знакомый моей подружки. Приезжай, познакомлю. Я о тебе ему рассказывала. Он говорит, что нельзя писать "в стол", надо печататься, а сейчас в журналах ничего нет хорошего, не пишут, он мог мы протолкнуть.

- Спасибо, сестрёнка! Да мне не припёрло печататься. Но, может, заеду в ноябре. У меня командировки будут и до, и после праздников. Знаешь, трудно к вам добираться, я

же не в самую Москву всё-таки ездю, а в Троицк. Пока до него из Шереметьева доберёшься, никуда уже больше не хочется тащиться.

— Если честно признаться, то этот звонок взбудоражил меня несколько. Тронуло, конечно, что сестра заботится о моей литературной славе. И с писателем познакомиться неплохо было бы, с новыми людьми я давно уже не встречался, со старыми - калининградскими обо всём уже переговорил и больше не хочется, не интересно. Ионосферная публика, хоть и со всего Союза, но тоже не привлекает, кроме работы её мало что интересует.

— О печатании, конечно, смешно говорить - нечего, да и нельзя, не время. Разве что отрывочки, да зачем? Рано. Не писатель я ещё. Работать надо, не по одному кругу пройти. Вот перепечатаю, что написано, перечитаю, посмотрю, что из этого сделать можно будет. Разумеется, коли начал писать, да и написал уже столько, то непоследовательно было бы не думать вовсе и о печатании. И тем не менее рано об этом думать. Просто не готово ещё ничего.

— Так я в Протвино и не поехал в ноябре, и до сих пор не съездил. И была (и есть) тому ещё одна причина: силы надо уже беречь, экономить, неохота на трепатню нервную энергию тратить, ещё и тащиться куда-то ради этого. Тут вон на работе цейтнот, с Б.Е. книга медленно движется, остался год. Прошло почти два, как начали, а сделано гораздо меньше двух третей, даже половины нет ещё.

— Сестре я написал письмо с извинениями, что опять не смог приехать, и благодарил за заботу, просил не терять связей, может, они и пригодятся ещё.

*([продолжение следует](#))*

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)